

И.В. ПРЕСНЯКОВ

О ВОЗМОЖНОСТЯХ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ПРИМЕНЕНИЯ КОНЦЕПЦИИ «РЕСЕНТИМЕНТА» М. ШЕЛЕРА

Аннотация. В статье раскрывается смысловое содержание концепции «ресентимента» Макса Шелера, изложенное им в ряде работ. Отмечается, что эта концепция является продолжением и развитием его аксиологической доктрины, образует фундамент его социологии знания и философской антропологии. Анализ идей Шелера, посвященных «ресентименту», в трудах зарубежных и отечественных авторов позволил определить области возможного применения концепции в различных сферах исследований. Автор приходит к выводу, что изучение творческого наследия Шелера способно не только философски углубить социологическое исследование общества, но и наметить актуальные направления поиска в различных отраслях социально-гуманитарного знания.

Теоретико-методологический потенциал актуального применения концепции «ресентимента» автор демонстрирует на примере анализа изменений в современных представлениях о человеческой телесности вообще и красоте человеческого тела в частности. Вводится в оборот понятие «телесный ресентимент», выявляются особенности механизма «переворота в ценностях», который проявляется в стремлении изменить собственное тело. Объектом пилотажного исследования стали люди с обильным татуированием кожи. Интерпретация результатов глубинных интервью с ними позволили выявить возможности эмпирического применения концепции «ресентимента» М. Шелера. Хотя сопутствующие ресентименту внутренне-душевные, психологические проявления были замечены не у всех, кто наносит на свое тело большое количество татуировок, можно тем не менее констатировать наличие связи между переживаемым (пережитым) ресентиментом и склонностью к постоянному нанесению татуировок. Отметим, что в данном исследовании автор не ставил перед собой задачу определить степень распространенности «телесного ресентимента», но стремился выявить внешние признаки и состояния сознания людей, которые с большой степенью вероятности могут свидетельствовать о возникновении и развитии ресентимента, связанного с собственным телом.

Ключевые слова: Макс Шелер; ресентимент; ценности; переворот в ценностях; исследования; тело; красота; телесный ресентимент.

Для цитирования: Пресняков И.В. О возможностях социологического применения концепции «ресентимента» М. Шелера // Социологический журнал. 2019. Том 25. № 2. С. 60–77. DOI: 10.19181/socjour.2019.25.2.6386

Пресняков Илья Валерьевич — аспирант Высшей школы современных социальных наук (факультет) МГУ им. М.В. Ломоносова, кафедра социологии управления. Адрес: 119234, Москва, Ленинские горы, д. 1, корп. Б, 814.

Телефон: +7 (916) 389-65-83. Электронная почта: presnyakovilval@gmail.com

Концепция «ресентимента» и социально-гуманитарное знание: теоретическое введение

Макс Шелер является, пожалуй, одной из самых интересных и одновременно недооцененных фигур в философии и социологии XX в. Исследовательские интересы Шелера были весьма разнообразны: феноменология, аксиология, этика, социология знания, политическая философия и др. Для него все эти направления были содержательным единством, скрепленным методологически. Творческое наследие автора представляется важным не только с точки зрения истории и теории социологии, но и в свете тех возможностей, которые оно дает для проведения социологических исследований и решения актуальных проблем общества. Сам Шелер, чтобы проанализировать сложные для непосредственного восприятия и эмпирического изучения процессы в обществе, возможным и даже необходимым считал практическое применение понятий и принципов исследования, которые лишь на первый взгляд казались метафизическими и умозрительными, а потому якобы непригодными для понимания социальной реальности.

Одним из таких понятий в творчестве Шелера является «ресентимент». Впервые это французское слово, “ressentiment”, было использовано Фридрихом Ницше в культурфилософском контексте «Генеалогии морали». Чисто социологическим понятием «ресентимент» не является и для самого Шелера. Мы ставим своей целью раскрыть собственно социологическое содержание понятия «ресентимент» и возможности его применения в современных социальных исследованиях.

Для реализации данной цели мы прежде всего постараемся проследить связь между теорией ценностей М. Шелера и ресентиментом как одной из возможных причин «переворота в ценностях» субъекта, очертить границы собственно социологического содержания ресентимента и определить некоторые области применения концепции ресентимента М. Шелера в социально-гуманитарных исследованиях. Для иллюстрации теоретико-методологического потенциала этой концепции как исследовательского инструмента предлагается описание теоретической и практической частей пилотажного исследования изменений в современных представлениях о человеческой телесности.

Ценности в теории М. Шелера: на подступах к «ресентименту»

Теория ценностей и концепция «ресентимента» М. Шелера основываются на феноменологическом методе. Для немецкого мыслителя познание не существует изолированно, напротив, будучи первоначально неразрывно соединено с эмоциями, чувствами симпатии и антипатии, аффектами, желаниями, оно вырастает из них и формируется в нечто относительно самостоятельное. Основным человеческим чувством Шелер считает любовь. Любовь задает направленность *этому* человека — совокупности данных ему от природы влечений, склонностей, предрасположенностей, задатков и др., обусловленных тремя главными инстинктами (питания, размножения, власти). Тем самым

любовь спонтанно создает то, что человек рассматривает в качестве достойного высших устремлений его души и духа, то есть ценности и ценностные предпочтения. Для описания душевно-духовного устройства человека Шелер использует понятие Св. Августина “ordo amoris” («порядок любви»). Важно отметить, что, по Шелеру, «порядок любви» складывается в практике межлических взаимодействий, поэтому правильно понять “ordo amoris” какого-то субъекта (человека, группы, народа) можно только из практики социальных коммуникаций.

Согласно Шелеру, человеческая любовь и, соответственно, «порядок любви и ненависти», может рассматриваться нормативно и дескриптивно. Нормативный взгляд дает возможность различить «правильную» и «неправильную» любовь, а в ценностях — «высшие» и «низшие». Для Шелера существует любовь, «характеризуемая как правильная и как ложная, ибо фактические склонности и акты любви человека могут согласоваться с субординацией достойного любви и быть в разладе с той любовью, какою Бог уже любил “идею мира”» [18, с. 89]. Это божественное устройство человек интуитивно познает через то, что Паскаль назвал «логикой сердца» (“logique du coeur”). Шелер развивает эту идею, говоря об «априорном ранговом порядке ценностей», или «иерархическом порядке рангов в царстве достойного любви». Но это не означает, что, с его точки зрения, люди обязаны подстраивать свое поведение под некий абсолютный императив — вечный и неизменный образец «правильной» любви. Шелер подчеркивает, что «нормативность», то есть долженствование, впервые появляется и осознается как долг тогда, когда человек уже самостоятельно и спонтанно определился с выбором ценностей и лишь стремится сохранить свою личностную идентичность.

Ценности в шелеровском понимании — это особые феномены, которые априорны, «становятся самоданными в содержании непосредственного созерцания» [14, с. 266]. Ценности «материальны», причем материальность в данном случае есть не то, что дается из ощущений. Не выводятся они и из суждений и не могут быть познаны только рационально, так как «существует вид опыта, предметы которого закрыты для разума, в познании которых он слеп... это такой вид опыта, в котором мы постигаем подлинно объективные предметы и их предвечный строй, как, например, ценности и их иерархию» [14, с. 262].

Порядок ценностей иерархичен. Понять высоту или низость ценности можно в акте, который немецкий мыслитель называет *предпочтением*. Но иногда может происходить «*заблуждение предпочтения*», когда низкие ценности предпочитают высоким, а субъект такого предпочтения может даже не осознавать своего выбора, поскольку уверен в его правильности. При этом высота ценности не определяется только реальным фактом ее предпочтения. Феноменологический метод позволяет Шелеру выявить структуры ценностного сознания, в априорном характере которых, действительно, трудно усомниться.

Шелер предлагает иерархию «ценностных модальностей», располагая их по возрастанию от низких к высоким: 1) ценности приятного и не-

приятного; 2) витальные ценности; 3) духовные ценности; 4) ценности святого. Кроме этого, в зависимости от их носителей автор выделяет ценности, располагающиеся горизонтально. Однако они также образуют иерархические подсистемы, внутри которых первые имеют более высокий статус, чем вторые, а вторые — более высокий, чем третьи. Это ценности: 1) личности и предмета; 2) собственные и чужие; 3) акта, функции, реакции; 4) образа мыслей, действия, успеха; 5) интенции и состояния; 6) фундамента, формы, отношений; 7) индивида и коллектива; 8) самооценности и конзекутивные (технические и символические) ценности [10, с. 105].

Под воздействием своих инстинктов, влечений, эмоций, опосредствованных общественными отношениями, люди в действительности выстраивают собственные «структуры ценностей», в то время как, согласно Шелеру, иерархия «ценностных модальностей» всегда останется неизменной и объективной, поскольку является отражением человеческой природы. Например, содержание ценности священного люди могут наполнять и зачастую наполняют конечными благами цивилизации и культуры. Но такая содержательная подмена, совершенно независимо от степени ее массовости, не уничтожает ни ценность священного как таковую, ни ее высшее положение в ценностной иерархии.

Причины подобных нарушений — «смущения» в “*ordo amoris*” из-за всякого рода «*прельщений*», когда человек как бы очарован, скован какими-то конечными благами. «Ресентимент» рассматривается Шелером как одна из самых мощных движущих сил «смущений» в “*ordo amoris*”, ведущих к его рассинхронизации с «априорным ранговым порядком ценностей».

**«Ресентимент» как социально-философское
и социологическое понятие: от Ф. Ницше к М. Шелеру**

Впервые проблему роли ресентимента в построении морали поднял, как уже говорилось, Фридрих Ницше. Ресентимент для него — это своеобразная реакция незащищенных и угнетенных слоев общества на невозможность активно противостоять источнику угнетения. Хотя такая реакция не ведет к открытым социальным конфликтам, творческая сила ресентимента сказывается в том, что люди медленно, но верно убеждаются и убеждают других в неразумности, несправедливости сложившегося строя и необходимости его радикально изменить. Ницше вводит понятие «ресентимент» в философский оборот, но не в полной мере раскрывает сам механизм трансформации ресентимента в мощную *социальную силу*, способную создавать общественные движения, порождать моральные кодексы и изменять структуру общества.

Ресентимент в понимании Шелера — это долговременный комплекс *негативных переживаний*, который «возникает вследствие систематического запрета на выражение известных душевных движений и аффектов, самих по себе нормальных» [17, с. 13]. Объектом желания возмущенного субъекта являются ограниченные ресурсы: доходы, власть, престиж, образование, природная красота, здоровье, ум, наследственные черты характера, успех и т. д. К основным эмоци-

ональным импульсам, не имеющим возможности для выхода, Шелер относит злобу, зависть, ненависть, месть, ревность, враждебность и др. Отсутствие ресурсов для выражения своего недовольства и постоянное подавление его на начальном этапе приводит к воспроизводящемуся чувству бессилия, социальной апатии, когда оскорбленные люди вынашивают план мести, но осуществить ее не в состоянии.

Ресентимент заставляет людей постоянно сравнивать себя с другими. Для «человека ресентимента» в обществе постепенно выделяется фигура «социального Другого» — группового объекта зависти. Все это способствует формированию «ресентиментной критики»: решение проблемы посредством третьих лиц расценивается ими как надменное снисхождение, а самостоятельная деятельность по достижению благ не осуществляется, потому что, замечает Шелер, «зависть не напрягает, а ослабляет волю к приобретению» [17, с. 25].

Чувствам зависти, мести, злобы необходим выход, а людям — снятие напряжения. Это удастся сделать с помощью того, что Шелер называет «ценностной иллюзией». Происходит «поворот оценивающего взгляда», его внимание направляется на ценность, противоположную изначальной или, во всяком случае, иерархически более низкую. Однако «априорный ранговый порядок ценностей» не образуется влечениями и устремлениями людей, а существует объективно. В итоге негативизм обращается от конкретных людей или вещей непосредственно к ценностям. Если ресентимент охватывает большие массы людей, то постепенно «перевернутое ценностное чувство ложится в основу “действующей морали”, приобретает силу общественного этоса и ретранслируется путем традиций, внушения, воспитания и образования» [17, с. 52].

С позиций социологии знания можно сделать вывод: люди, у которых интенциональной основой нравственного познания и практической деятельности являются обусловленные ресентиментом импульсы отрицания, ненависти, зависти, злобы, враждебности с большой степенью вероятности предпочитают «низшие» ценности «высшим», в связи с чем их оценка и интерпретация окружающей действительности характеризуется высокой степенью негативизма вплоть до нигилизма. Нередко субъект — носитель ресентимента стремится образовать вокруг себя социальную группу единомышленников и сформировать ее ценностную структуру, которая, в свою очередь, становится основой для конкретных социальных практик. Так ресентимент превращается в один из элементов *механизма конструирования социальной реальности*.

Ресентимент всегда познается только в социально-культурном контексте. Шелер выделяет ряд типических условий, имеющих наибольший потенциал для возникновения и развития ресентимента. К ним автор относит: 1) отношения власти и господства, в которых подчиняющийся субъект не способен или не имеет права на выступление против подчиняющего; 2) формальное социальное равенство, при котором, однако, блага не распределяются равномерно, и которое утверждает только равенство возможностей; 3) конкуренция в разных сферах общества;

4) этническая, национальная и расовая дискриминация в обществах, в которых формально она запрещена; 5) физическая или духовная слабость людей, «страх и трепет» перед тем, кто силен и здоров.

***Определение основных областей применения концепции «ресентимента»
М. Шелера в различных сферах социально-гуманитарных исследований***

Учение Шелера о «ресентименте» привлекало и продолжает привлекать исследователей. Можно упомянуть работы Дж. Барбалета [20], П. Бергера и Т. Лукмана [3], М. Вебера [22], С. Глезоса [21], В. Зомбарта [8], Ч.У. Пака [13], Р.Г. Апресяна [1], И.П. Бандуриной [2], Ю.М. Беспаловой и В.А. Кондакова [4], Е.Ф. Быковской [5], В.Е. Вахрамеева [6], С.М. Герцен [7], А.Н. Малинкина [12]. Концептуальную связь можно проследить между «ресентиментом» и «культурной травмой», о которой, в частности, пишет Петр Штомпка [19].

Дополняя работы предшественников, обозначим области применения шелеровской концепции «ресентимента» как аналитического инструмента, а также те социальные явления и процессы, которые могут быть объяснены с его помощью.

Во-первых, *в социологии знания вообще и прежде всего в феноменологической социологии знания* ресентимент рассматривается как один из источников извращенного («ложного») сознания людей, поскольку этот эмоционально-волевой комплекс формирует у них негативистские отношения к реальности и проявляется в конкретных социальных практиках.

Во-вторых, концепция «ресентимента» позволяет по-новому взглянуть на *процессы возникновения и развития результатов интеллектуальной и духовной деятельности человека*: философских доктрин, религий, моральных и этических систем, идеологий, политических программ, движений и т. д. Так, Шелер использовал учение о «ресентименте» для объяснения истоков западноевропейского гуманизма и ценностных предпосылок философии Просвещения.

В-третьих, с привлечением концепции «ресентимента» могут быть объяснены *события истории человечества, среди которых прежде всего следует выделить различные формы конфликтов и социально опасных явлений*: войны, революции, терроризм, этническая и расовая дискриминация, отклоняющееся поведение, проявления социального недовольства, классовая борьба, оппозиционные и протестные выступления, деструктивные поступки, предательство¹ и т. д. Все эти события сопровождаются разной степенью видимого насилия, агрессии и ненависти, которые Шелер считал «симптомами» развивающегося ресентимента.

В-четвертых, поскольку охвативший целые социальные группы ресентимент может способствовать *изменению структуры общества*

¹ Примером может служить исследование А.Н. Малинкина, который, опираясь на концепцию «ресентимента», анализирует феномен «смердяковщины» как «особого вида расположенности к предательству» в контексте культурной и политической истории России [11].

и участвовать в становлении социально-экономических систем, концепция «ресентимента» может быть использована в исследованиях современных социально-политических и демографических процессов, развития мировой экономики и глобальных финансовых институтов, изменений структуры национальных хозяйств, проблем демократизации и авторитаризма, экологических последствий растущего уровня производства и потребления. Сам Шелер с помощью этого понятия анализирует переход западноевропейского общества от феодального строя к буржуазному. По его мнению, ресентимент буржуазии, направленный на отрицание старых аристократических порядков и христианских ценностей, стал основой буржуазной этики и привел к выдвиганию «третьего сословия» в качестве новой социальной силы.

В-пятых, на наш взгляд, ресентимент является *одним из влиятельных факторов социокультурных трансформаций в обществе*. Литература, живопись, кинематограф, музыка и т. д. всегда объективируют определенные ценности. Образы, символы и знаки протестных форм искусства, идентифицирующих себя прежде всего с контркультурой, всегда сообщают искусствоведам, культурологам, социологам культуры о надвигающемся или уже свершившемся «ценностном перевороте», ведь для этих феноменов доминирующая культура перестает исполнять функцию легитимации социального порядка.

В-шестых, шелеровская концепция «ресентимента» включает в себя *потенциал социального прогнозирования*. Ресентимент, выявленный и зафиксированный как «факт, существующий с большой степенью вероятности», можно использовать в качестве социального индикатора при анализе тенденций развития общественных отношений, будущих состояний или действий социальных субъектов.

В-седьмых, согласно Шелеру, *зараженные ресентиментом социальные группы для легитимации своей новой морали стремятся разработать определенный теоретический, этический, фундамент*. Так возникают всевозможные теории, которые научно обосновывают обществу достоинства новой структуры ценностей и необходимость ее принятия. Здесь концепция «ресентимента» может стать полезным инструментом для анализа как статуса, так и смыслового содержания науки в целом, и самой социологии — в частности. Шелер критически относился к современному для него и господствующему на тот момент варианту позитивистски ориентированной социологии, фундамент которой был заложен О. Контом. Не принимал Шелер ни утилитаризм Бентама, ни прагматизм Пирса, ни марксизм, ни номинализм Вебера и т. д., считая их различными теоретизациями одного и того же этоса, сформировавшегося как следствие ресентимента класса «буржуазных предпринимателей».

Позитивизм для Шелера — это не только парадигма научного познания, но и характерная исключительно для Западной Европы «идеология позднего индустриализма». Будучи следствием «перевернутых ценностей», эта «идеология» выражает и утверждает дисбаланс между «религиозным», «философским» и «позитивно-научным» родами

знания в пользу только одного — «позитивно-научного», или знания ради достижения тотального господства человека над природой. Социология в таком понимании отказывается быть «философской» и в качестве образца научности покорно принимает познавательные идеалы, ценности, структуру и методологию естественных наук.

Идеал Шелера — союз философского и научного знаний, продуктивную реализацию которого он видит в «синтезе западной и азиатской культур знания». С его точки зрения, односторонне развивая только научно-техническое знание, западный человек «почти полностью забыл о самом себе и своей внутренней жизни» [16, с. 148]. «Чистое созерцание», еще сохранившееся в теоретических системах многих восточных народов, он променял на одномерную прагматику. Сегодня требуется новая «метафизическая культура знания».

В-восьмых, ресентимент, приводящий к ощущению бессилия и отстраненности, можно рассматривать как фактор, *изменяющий формы человеческой активности*. Так возникают, например, нигилизм, абсентеизм, крайний индивидуализм, приверженность религиозным сектам, тотальный уход в виртуальную реальность и т. д. С нашей точки зрения, включение ресентимента в корпус уже известных науке причин подобных явлений позволит сделать их анализ более полным и точным.

В-девятых, «ресентимент» может стать важным *понятием таких отраслей знания, как философская антропология, культурология, социология культуры, социология морали и социология эмоций*. Например, в последней австралийский социолог Дж. Барбалет использует понятие «ресентимента» для анализа классового сознания и правовых отношений [20].

В-десятых, *ресентимент и его последствия могут стать предметом конкретных социально-психологических и клинических исследований*. В результате «ценностного переворота» у человека как личности развивается кризис идентичности, наблюдаются апатия, атрофия рефлексивности и проч. Изучение этих процессов целесообразно также и с медицинской точки зрения. Шелер считал возможным преодоление комплекса ресентимента с помощью специальных психотерапевтических техник.

В-одиннадцатых, ресентимент влияет не только на внутреннее состояние субъекта, *но и на его отношение к саморепрезентации, к внешнему выражению себя, в том числе на отношение к собственному телу*. Именно это последствие ресентимента мы бы и хотели использовать в качестве иллюстрации его практического применения как инструмента исследования.

Человеческая телесность и «ресентимент»: опыт концептуализации и практического применения

«Телесный ресентимент»

Проблеме взаимосвязи ресентимента и телесности Макс Шелер не посвятил специального исследования. Однако анализ идей немецкого мыслителя все же позволяет выявить те особенности вызванного ресентиментом «переворота в ценностях», которые прямо затрагивают проблематику тела и которые можно назвать «*телесным ресентиментом*».

Прежде всего, причиной ресентимента могут быть недостатки самого человеческого тела. Дефекты телосложения, деформации черт лица, необычные природные особенности телесной конституции способны вызывать у человека постоянные чувства недовольства, отвращения, несправедливости, подавленности. Отсюда возникает зависть к чужой красоте. Она становится тем сильнее, чем больше осознается собственная неспособность следовать меняющимся стандартам моды и представлениям о красоте из-за недостатка материальных ресурсов для ее поддержания на должном уровне. В этих условиях собственное тело кажется заурядным, обыкновенным и абсолютно непривлекательным.

Еще одной причиной изменения в «ощущении собственного тела» может быть ресентимент, вызванный любым другим фактором, то есть не обязательно телесными недостатками, когда у человека накапливаются негативные эмоции. Постепенно появляется, как пишет Шелер, «брезгливо дистанцированное и объективированное отношение к собственному телу» [17, с. 54]. Ненависть, гнев, зависть не получают выхода и проявляются в соответствующих висцеральных ощущениях. Их сила может быть настолько велика, что первоначальные негативные эмоции как бы перенаправляются, происходит девальвация собственной телесной «оболочки» и возникает «желание самому себе отомстить». Тело начинает восприниматься как «несостоятельное», не способствующее достижению поставленных целей, общественного престижа, карьерного роста, уважения окружающих или успеха у противоположного пола. В таких случаях эстетическое измерение телесности подменяется социальным. Желание изменить свою телесность особенно усиливается в современных государствах с высоким средним уровнем благополучия, граждане которых в состоянии позволить себе различные телесные трансформации. Возможность изменить свое тело рассматривается одновременно как осуществление одной из гражданских свобод, согласно которой культура больше не ставит каких-либо запретов на вмешательство человека в собственное тело вплоть до смены пола и эвтаназии. Чем он и «прельщается».

Ресентиментное изменение тела — это все что угодно, но только не «чистая самоценная игра жизненных сил» человека [17, с. 183]. Напротив, подчеркивает Шелер, это скорее способ «самоустранения», «неспособности жить в мире с самим собой, “быть у себя дома”» [17, с. 89]. Изменяя свой внешний облик, человек как бы забывает на время о своих неудачах, утешается «иллюзорным самоисцелением», являющимся частью ресентимента. Изменение тела становится своеобразным протестом человека против себя прошлого, против некогда «враждебной» для него социальной реальности, в которой он не достиг желаемого и не стал успешным. При этом внешние телесные изменения постепенно становятся для него положительными жизненными основаниями.

Но, согласно Шелеру, естественная телесная организация индивида не должна оправдываться искусственными трансформациями или экспериментами над ней. Тем более когда движущие мотивы по-

следних черпают силу в негативных переживаниях. Тело дано каждому человеку таким, какое оно есть, и именно с ним ему следует утверждать себя как самодостаточную личность. Предметное отношение человека к себе, когда изменение тела рассматривается в качестве средства для достижения ценностей другого порядка либо становится самоцелью, нарушает сущностно необходимые связи между ценностями и их носителями. Согласно Шелеру, личность как духовный центр духовных актов неопредмечиваема, то есть в принципе не может быть «предметом», поэтому недопустимо рассматривать личность, например, в категориях «чувственно приятного» или «полезного», так как «эти ценности суть, скорее, ценности вещей или событий» [14, с. 304].

Из этого не следует, будто не надо вести здоровый образ жизни, заниматься физической культурой, поддерживать жизненный тонус, применять различные лечебные практики для сохранения своего здоровья или развития тела. Обычно такое физически активное поведение вызвано избытком жизненных сил, направлено на самоутверждение жизни, а не отрицание тех или иных ее сторон.

Шелер отмечает, что ресентимент возникает тогда, когда не только не предпринимаются какие-либо действия по достижению желаемых результатов, но и не происходит духовно-нравственного преодоления чувств зависти, гнева, мести, злобы и т. д. Место симпатии, любви, искреннего прощения или самостоятельной духовной работы над собой занимает чувство полного бессилия, которое требует «вытеснения». Ресентиментно воздействуя на свою телесность, человек «вытесняет» негативные душевные переживания, получает облегчение и подменяет внутренние изменения внешними переменами, принимая свой образ за действительную личностную характеристику. В результате у него появляются новые смыслы и оправдания даже для самых радикальных трансформаций собственного тела. Однако эти смыслы временны, поскольку само изменение телесности превращается в паллиативную меру, которая влечет за собой необходимость дальнейших действий в том же направлении. Следуя стандартам красоты, внимая рекламным слоганам, символическим и визуальным эталонам, человек сохраняет себя в актуальном культурном контексте и поддерживает ощущение своей включенности в социальную жизнь. Однако подобное следование моде, если оно ресентиментно, есть лишь следствие того, что человек «боится остановить взгляд на самом себе, стараясь избежать внутренней пустоты» [17, с. 131].

Не достигнув первоначально желаемого блага, вызвавшего ресентимент, человек, согласно Шелеру, начинает вкладывать имеющиеся у него ресурсы в осуществление стремления к новой для себя ценности. С точки зрения тела, это ведет к тому, что его естественная красота, здоровье и привлекательность оказываются для человека все менее ценными сами по себе. Напротив, они все больше оцениваются в зависимости от того, сколько усилий приложено к их изменению и улучшению. В результате врожденная естественность телесной организации постепенно обесценивается, а элементы искусственности

в ней представляются как достижения индивида, символы его успешности. Успех же должен подкрепляться новым успехом, поэтому изменения тела становятся все более и более частыми, но как раз потому, что ресентиментное телесное изменение не приносит с собой решения изначальной проблемы и длительного глубокого удовлетворения.

Таким образом, «телесный ресентимент» представляет собой мотивированное неудачным личным и социальным опытом человека отрицание им своей врожденной естественной телесной организации. В его иерархии ценностей происходит принижение ценности собственного тела: из самоценности тело девальвируется до ценности-средства, то есть у человека формируется инструментальное отношение к телу. Пользуясь терминологией Шелера, можно сказать, что “*ordo amoris*” конкретного субъекта «искажается»: он начинает «любить» искусственность, потому что не смог «полюбить» свою естественность.

Мы считаем, что «телесный ресентимент» необходимо рассматривать в контексте философско-антропологической и культурологической доктрины Шелера о «выравнивании». Немецкий философ предвидел, что Запад вступает в «эпоху выравнивания»: эпоху «бунта природы в человеке и всего, что есть в нем темного, порывистого, импульсивного». Инстинкты, влечения, стремления человеческого тела восстают «против односторонней сублимации, против чрезмерной интеллектуальности наших отцов, их многовековых упражнений в аскезе» [15, с. 111–112]. Анализируя эту идею Шелера, А.Н. Малинкин верно отмечает, что, во-первых, речь идет здесь «о том, что относится также — и даже в первую очередь — к телу человека», и, во-вторых, что сам Шелер таким образом «переходит к критике культурно-антропологических основ западной цивилизации... предвидит, что “варварство”, возвращающееся в Европу в форме “дионисического” бунта инстинктов в человеке Запада, реально угрожает всему миру» [9, с. 80].

В современном развитом обществе, включая и российское, изменения тела становятся товаром и встраиваются в систему общественного потребления, что, на наш взгляд, содействует возникновению и развитию «телесного ресентимента». А поскольку мода в «обществе потребления» — хорошо организованная система производства новых потребностей, охватывающая через сетевые структуры самые разные слои населения, то уместно говорить об опасности массового «заражения телесным ресентиментом».

Конструктивистское вмешательство в естественную телесную конституцию человека сегодня все больше начинает восприниматься как нечто нормальное. Но существуют пределы телесных трансформаций. И как раз в исследовании вопросов о том, почему люди так активно стремятся изменить свое тело, какое значение придают его преобразованиям, какие ценности при этом ими руководят, что происходит в этот момент в их сознании, — на наш взгляд, и может пригодиться шелеровское понятие «ресентимент». Разумеется, мы далеки от того, чтобы считать, будто ресентимент является главной и единственной причиной

всех возможных телесных преобразований, однако некоторые из них, вполне вероятно, могут быть следствием «переворота в ценностях».

Опыт практического исследования «телесного ресентимента»

Частичное подтверждение наших теоретических построений было получено в ходе анализа результатов пилотажного исследования, включавшего в себя 20 фокусированных интервью. Интервьюировались молодые люди обоих полов в возрасте от 18 до 37 лет, главным изменением тел которых стало его обильное татуирование (от 5 татуировок и более). Мы использовали этот метод качественных исследований, так как стремились определить не массовость или частоту распределения изучаемого явления, а его наиболее общие существенные черты, которые еще недостаточно изучены.

Наша идея о «телесном ресентименте» как факторе изменений тела выполняла в исследовании функцию гипотезы, поэтому опирающиеся на нее интерпретации и выводы, которые мы делаем, имеют предположительный, вероятностный характер и не претендуют на статус «научного факта». Вместе с тем, мы убеждены, что было бы упущением не учитывать «телесный ресентимент» как возможный мотив конструктивистского отношения человека к собственному телу.

Не существует и не может существовать эталона форм человеческого тела, который функционировал бы у всех народов (или у какого-то одного народа) во все времена в качестве единой общепринятой нормы. Тем не менее респонденты в той или иной степени сравнивают свои тела с телами окружающих людей или медийных персон, и в ряде случаев эти сравнения вызывают у них негативные эмоции: *«Чаще всего сравниваю с теми, кто мелькает по телевизору. А там, как знаешь, все всегда такие красивые, яркие, идеальные даже. После этого за себя становится, конечно, грустно. Как-то даже не по себе становится, возникает ощущение, что делаешь что-то не то, не тем занимаешься»* (Алина, 23 года, менеджер); *«...могу, например, идти, смотреть и думать: “Эх, мне бы такой пресс, ноги, бицепсы и т. д.”* (Павел, 37 лет, инженер). На наш взгляд, такое умонастроение, когда возникает сознательная или бессознательная зависть к другим из-за мнимого недостатка природной красоты собственного тела, может свидетельствовать о развивающемся «телесном ресентименте» либо служить почвой для его возникновения.

Как показывают ответы респондентов, желание татуировать свое тело не всегда вызвано отсутствием естественной красоты. Зачастую оно связано с социальным, а не эстетическим измерением тела. Это означает, что татуировка является символом определенного личного или группового опыта и направлена на достижение ряда социально-практических целей: карьерного роста, общественного признания, успеха у противоположного пола и т. д. Некоторые из названных респондентами мотивов имели негативный характер, например, проблемы в профессиональной деятельности, неудачи в личной жизни, подростковое бунтарство, смерть любимого животного, недовольство местом рождения, прежним образом жизни и др. Татуировка делалась для того, чтобы если и не преодолеть, то хотя бы компенсировать этот негатив.

Для части респондентов нанесение татуировки стало в какой-то момент единственно возможным выходом из трудного положения. Очевидно, речь идет об ощущении собственного бессилия вследствие неспособности что-либо реально изменить, совершив поступок, которое Шелер отмечает как характерный признак ressentimenta. Так, например, девушка, переживая экзистенциальный кризис в подростковом возрасте, сделала себе татуировку, символизировавшую для нее родителей и друзей, не оказавших ей поддержки в трудный жизненный момент, когда ее выгнали из школы в 11-м классе: *«...мне было одиноко очень. Мне хотелось послать всех... Мне по жизни всегда не хватало напоминания самой себе, что нельзя ни в коем случае сдаваться. Я сделала себе на руке крест, окруженный фиолетовыми и оранжевыми облаками, фиолетовый — друзья, оранжевый — родители, крест — я, и вот все мы вместе, они вокруг меня, а сверху было голубое небо, но при этом не хотела, чтобы это ассоциировалось с религиозной тематикой. Мне нужна была подпитка эмоциональная»* (Анастасия, 21 год, студент-журналист).

В подобные моменты как раз и формируется предметное, инструментальное отношение к своему «несостоятельному» телу, на что указывают и другие респонденты, например: *«...хотелось как-то измениться, чтобы ей понравиться. И вот, наверное, в том числе и поэтому я набил себе первую татуировку тогда»* (Илья, 19 лет, студент-экономист). Правда, с негативным контекстом и чувством бессилия респонденты связывают нанесение лишь нескольких, а не всех своих татуировок. Это говорит о том, что «телесный ressentiment» нередко носит не тотальный, а частичный характер, выполняя роль своеобразного «спускового крючка».

Вместе с тем следует констатировать, что татуировка далеко не всегда дает желаемый эффект, не приводит к восстановлению прежнего ценностного мира человека, а, напротив, продолжает его трансформировать, поскольку не устраняет негативную причину, из-за которой ее делают. Удовольствие от нее «иллюзорное», облегчение временное, ибо татуирование — мера паллиативная. Косвенным доказательством этого является то, что респонденты делают в среднем 1–3 татуировки в год или даже чаще. В большинстве случаев они выражают намерение продолжать татуировать свое тело, одновременно избавляясь от тех татуировок, которые уже не приносят им положительных эмоций: *«Планирую ее, конечно же, перебить. Что-то добавить к ней обязательно надо»* (Анастасия, 21 год, студент-журналист); *«...конечно, татуировка больше всего нравится тогда, когда она только набита. Постепенно интерес к ней пропадает. В основном из-за того, что татуировки теряют яркость и тускнеют. Но если они тускнеют, то я их подновляю»* (Семен, 29 лет, музыкант).

Параллельно с этим можно констатировать: у респондентов наблюдается характерный для «телесного ressentimenta» процесс девальвации собственной естественной телесной организации как ценности. Тело начинают рассматривать в качестве своего рода плацдарма для манипуляций. Во-первых, татуировки становятся важной составляющей самого тела, как бы отождествляются с ним, а тело уже не воспринимается как нормальное без старых и новых татуировок: *«Я всегда обращаю на них*

внимание. Они мне ничего не испортили. Наоборот, даже дополняют тело» (Семен, 29 лет, музыкант); «...свои руки без татуировок я уже не представляю» (Илья, 19 лет, студент-экономист). Во-вторых, иногда в выборе места татуирования решающую роль играет именно сама татуировка и ее особенности, а не конкретный участок тела: «...каких-то особых предпочтений нет, набивать можно практически везде, да и болевой предел у меня достаточно высокий» (Павел, 37 лет, инженер) или «...место я выбираю в зависимости от эскиза, рисунка, желаемой видимости» (Анастасия, 26 лет, предприниматель). Некоторые даже делают татуировки на лбу.

Наконец, и это важно именно с точки зрения шелеровской аксиологии, нарушается принцип соответствия ценности и связанного с ней предмета, поскольку некоторые респонденты начинают рассматривать свое тело и особенно его татуированные места в категориях «чувственно приятного», реже — «полезного»: «...я же пирищик, и вот когда люди видят меня с татуировками хорошими, они сразу понимают, что перед ними творческая необычная личность» (Никита, 35 лет, рг-менеджер); «...поглаживаю ее, хотя она ничем не отличается от кожи рядом. У меня четкие контуры татуировок, поэтому иногда я рисую на них. Эти участки тела мне вообще особо нравятся» (Анастасия, 21 год, студент-журналист); «...с ними все просто: они просто снимаются в фотосессиях, на этом зарабатывают деньги. Набивают себе каких-то бабочек, дельфинов, вишенки чуть выше пятой точки. Бред, но им за это платят» (Екатерина, 32 года, администратор тату-салона). На наш взгляд, это означает, что в связке «тело — татуировки» первая составляющая принижается ради второй. Перед нами не что иное, как «искажение» конкретного «ordo amoris»: значимой становится уже не естественная телесность, а модифицированная.

С точки зрения респондентов, множество татуировок не обязательно должно быть объединено в какую-то концепцию. Татуировки нередко не сочетаются друг с другом: «...то есть единой какой-то линии нет. Да и стили у них разные, цвета. Это абсолютно нормально. Здесь не обязательно единство. Набивай что хочешь...» (Илья, 19 лет, студент-экономист); «левая рука, например, забита татуировками в абсолютно расхожих стилях» (Семен, 29 лет, музыкант). Этот феномен подтверждает мысль Шелера о том, что у субъекта, охваченного ресентиментом, «ценностное чувство» притупляется, он становится менее разборчивым и уже спокойно идет на новые эксперименты, даже если они отличаются дурным вкусом.

Высказывания респондентов подтверждают, что «телесный ресентимент» особенно широко распространяется в том обществе, в котором отсутствуют запреты, и поведение людей становится результирующей всего спектра предоставленных им свобод, в том числе — культурных: «...для меня татуировка — это да, проявление свободы. И если, например, у нас в обществе или в государстве запретят делать татуировки, будут считать это аморальным, то я останусь несогласной. Просто потому, что это мое тело, и я делаю с ним все что захочу» (Анастасия, 21 год, студент-журналист); «...запретить мне татуировки, кроме себя самой, никто не может» (Анастасия, 26 лет, предприниматель).

Проведенный нами анализ позволил выделить ряд особенностей, которые, как нам представляется, характерны для «телесного ресентимента». К ним следует отнести прежде всего изначальный негативный импульс зависти к чужой красоте, эстетическое недовольство собственным телом, а также комплекс отрицательных эмоциональных переживаний, который возникает у людей вследствие неудачного личного или социального опыта. В этих условиях в ряде случаев складывается предметное, инструментальное отношение к собственному телу, а его изменение — например, татуирование — выполняет функцию «вытеснения» неблагоприятных эмоций и ощущений. Это дает человеку «иллюзорное самоисцеление», временный душевный комфорт, однако не устраняет причин проблемы. Напротив, «телесный ресентимент» начинает постепенно захватывать области сознания субъекта, изменяет его самооценку, восприятие и интерпретацию им окружающей реальности, влияет на его последующие социальные практики.

Главный результат этого процесса и ключевой показатель «телесного ресентимента» — постепенное обесценивание естественной телесной организации как ценности, движение субъекта в сторону все большей искусственности и модифицированности. Тело начинает рассматриваться респондентами в категориях «чувственно приятного» или «полезного».

Таким образом, на примере анализа современных представлений человека о характере и способах отношения к собственному телу мы продемонстрировали возможности социологического применения концепции «ресентимента» Макса Шелера.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Апресян Р.Г.* Ресентимент и историческая динамика морали // Этическая мысль. Вып. 2 / Отв. ред. А.А. Гусейнова. М.: ИФ РАН, 2001. С. 27–40.
2. *Бандурина И.П.* Экологические проблемы рыночного общества в рамках концепции ресентимента // Теория и практика общественного развития. 2010. № 02. С. 440–447.
3. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / Пер. с англ. под общ. ред. Е. Руткевич. М.: Медиум, 1995. — 323 с.
4. *Беспалова Ю.М., Кондаков В.А.* Модернизационные преобразования в России // Материалы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса. М.: РОС, 2012. С. 1989–1995.
5. *Быковская Е.Ф.* Ресентимент в образовании: предварительные констатации // Сибирский педагогический журнал. 2009. № 1. С. 142–150.
6. *Вахрамеев В.Е.* Бессильная зависть и злоба (феномен ресентимента в познании индивидуальности). 2012 [электронный ресурс]. Дата обращения 07.03.2018. URL: <https://www.b17.ru/article/fenomen_resentimenta/>.
7. *Герцен С.М.* Динамика ценностных ориентаций молодежи в изменяющейся России (межпоколенный подход). Автореф. дисс... канд. социол. наук. Тюмень: ФГБОУ ВПО ТГУ, 2012. — 26 с.

8. *Зомбарт В.* Буржуа: к истории духовного развития современного духовного человека / Пер. с нем. под общ. ред. Е. Саркитова. М.: Terra — Книжный клуб, 2009. — 576 с.
9. *Малинкин А.Н.* Критика основ западной цивилизации в социологии М. Шелера // Социологические исследования. 2014. № 2. С. 76–85.
10. *Малинкин А.Н.* Любовь и радость в философии Макса Шелера // Человек. 2016. № 4. С. 103–118.
11. *Малинкин А.Н.* Предать предателей: смердяковщина как элемент российской политической культуры // Вопросы национализма. 2017. № 1. С. 221–237.
12. *Малинкин А.Н.* Учение Макса Шелера о ресентименте и его значение для социологии // Социологический журнал. 1997. № 4. С. 116–150.
13. *Пак Ч.* Ресентимент, оценка, знание и социальное действие в учении Макса Шелера: опыт исследования социологии чувств // Социологический журнал. 1997. № 4. С. 151–164.
14. *Шелер М.* Избранные произведения. (Формализм в этике и материальная этика ценностей) / Пер. с нем. А.В. Денежкина, А.Н. Малинкина, А.Ф. Филиппова; Сост., науч. ред., предисл. А.В. Денежкина; Послесл. Л.А. Чухиной. М.: Гнозис, 1994. С. 259–338.
15. *Шелер М.* Избранные произведения. (Человек в эпоху уравнивания) / Пер. с нем. А.В. Денежкина, А.Н. Малинкина, А.Ф. Филиппова; Сост., науч. ред., предисл. А.В. Денежкина; Послесл. Л.А. Чухиной. М.: Гнозис, 1994. С. 98–128.
16. *Шелер М.* Проблемы социологии знания / Пер. с нем. под общ. ред. С.Я. Левит. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2011. — 234 с.
17. *Шелер М.* Ресентимент в структуре моралей / Пер. с нем. А.Н. Малинкина; Под общ. ред. Л.Г. Ионина. СПб.: Наука, Университетская книга, 1999. — 320 с.
18. *Шелер М.* *Orgo amoris* // Трактаты о любви / РАН, Ин-т философии, Центр этич. исслед.; Сост. О.П. Зубец. М.: Институт философии РАН, 1994. С. 77–100.
19. *Штомпка П.* Социальное изменение как травма (статья первая) / Пер. с англ. А.Ю. Мосеевой, Н.В. Романовского // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 6–16.
20. *Barbalet J.M.* *Emotion, Social Theory and Social Structure: A Macrosociological Approach.* Cambridge: Cambridge University Press, 1999. — 210 p. DOI: 10.1177/000169930004300311
21. *Glezos S.* The ticking bomb: Speed, liberalism and resentment against the future // *Contemporary Political Theory.* 2011. Vol. 10. No. 2. P. 147–165. DOI: 10.1057/cpt.2010.6
22. *Weber M.* *Sociology of religion.* Boston: Beacon Press, 1993. — 384 p.

Дата поступления: 13.04.2018.

I.V. PRESNYAKOV

Higher School of Modern Social Sciences (faculty), Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

Ilya V. Presnyakov — Graduate Student, Higher School of Modern Social Sciences (faculty), Lomonosov Moscow State University, Sociology of administration department. **Address:** 1-B-814, Leninskiye Gory, 119234, Moscow, Russian Federation. **Phone:** +7 (916) 389-65-83. **Email:** presnyakoviliaval@gmail.com

ON THE POSSIBILITIES OF SOCIOLOGICAL APPLICATION OF THE CONCEPT OF “RESENTIMENT” BY M. SCHELER

Abstract. The author reveals the concept of “resentiment” in the works of Max Scheler. It is highlighted that this concept is the continuation and development of Scheler’s axiological doctrine, it forms the foundation of his sociology of knowledge and philosophical anthropology. Analysis of Scheler’s ideas about “resentiment” in the works of foreign and domestic authors made it possible to determine the areas of possible application of this concept in various fields of research. The author comes to the conclusion that studying Scheler’s heritage can not only philosophically deepen the sociological study of society, but also outline the current search directions in various branches of social and humanitarian knowledge.

The author demonstrates the theoretical and methodological potential of applying the concept of “resentiment”, based on the example of analyzing changes in the modern perception of human corporeality in general and the beauty of the human body in particular. The concept of “bodily resentment” is introduced, while revealing features of the “coup in values” mechanism, which manifests itself in the desire to practically change one’s own body. People with copious tattooing have become the object of preliminary observation within the context of the sociological study of the mass perception of human corporeality. Interpreting the results of in-depth interviews allowed for identifying the possibilities of empirically applying M. Scheler’s concept of “resentiment”. Although the mental and psychological characteristics associated with resentment were not noticed in everyone who applies a large number of tattoos on his or her body, it is possible, regardless, to establish a connection between experiencing resentment and one’s propensity to constantly apply tattoos. It should be noted that the author of this study was not out to determine the prevalence of “bodily resentment”. His goal was to detect external signs and to reveal states of consciousness which most likely would indicate towards an emerging and developing resentment connected with one’s body.

Keywords: M. Scheler; resentment; values; distortion of the values; research; body; beauty; bodily resentment.

For citation: Presnyakov I.V. On the Possibilities of Sociological Application of the Concept of “Resentiment” by M. Scheler. *Sotsiologicheskij Zhurnal = Sociological Journal*. 2019. Vol. 25. No. 2. P. 60–77. DOI: 10.19181/socjour.2019.25.2.6386

REFERENCES

1. Apresjan R.G. The resentment and historical dynamics of morality. *Jeticheskaja mysl'*. Vyp. 2. [Ethical thought. Issue 2.] Ed. by A.A. Gusejnov. Moscow: IF RAN publ., 2001. P. 27–40. (In Russ.)
2. Bandurina I.P. Environmental problems of a market society in the framework of the concept of resentment. *Teorija i praktika obshhestvennogo razvitija*. 2010. No. 02. P. 440–447. (In Russ.)
3. Berger P., Lukman T. The Social Construction of Reality. A Treatise on sociology of Knowledge. [Russ. ed.: *Social'noe konstruirovanie real'nosti. Traktat po sociologii znanija*. Transl. from Eng. and ed. by E. Rutkevich. Moscow: Medium publ., 1995. 323 p.] (In Russ.)

4. Bespalova Ju.M., Kondakov V.A. Modernization transformations in Russia. *Materialy IV Ocherednogo Vserossijskogo sociologicheskogo kongressa*. [Materials of the IV Regular All-Russian Sociological Congress.] Moscow: ROS publ., 2012. P. 1989–1995. (In Russ.)
5. Bykovskaja E.F. Resentiment in education: preliminary findings. *Sibirskij pedagogicheskij zhurnal*. 2009. No. 1. P. 142–150. (In Russ.)
6. Vahrameev V.E. *Powerless envy and malice (the phenomenon of resentment in the cognition of individuality)*. 2012. Accessed 07.03.2018. URL: <https://www.b17.ru/article/fenomen_resentimenta/>. (In Russ.)
7. Gercen S.M. *Dinamika cennostnyh orientacij molodezhi v izmenjajushhejsja Rossii (mezhpokolennyj podhod)*. Avtoref. diss... kand. sociol. nauk. [The dynamics of the value orientations of youth in a changing Russia (intergenerational approach). Abstract of the Thesis on the degree of Candidate of the Sociological Sciences.] Tjumen': FGBOU VPO TGU publ., 2012. 26 p. (In Russ.)
8. Zombart V. Bourgeois: To the history of the moral development of the modern moral man. [Russ. ed.: *Burzhua: k istorii duhovnogo razvitiya sovremennogo duhovnogo cheloveka*. Transl. from Germ. and ed. by E. Sarkitov. Moscow: Terra — Knizhnyj klub publ., 2009. 576 p. (In Russ.)
9. Malinkin A.N. Criticism of the foundations of Western civilization in the sociology of M. Scheler. *Sociologicheskie issledovanija*. 2014. No. 2. P. 76–85. (In Russ.)
10. Malinkin A.N. Love and joy in the philosophy of Max Scheler. *Chelovek*. 2016. No. 4. P. 103–118.
11. Malinkin A.N. To betray the traitors: Smerdyakovism as an element of Russian political culture. *Voprosy nacionalizma*. 2017. No. 1. P. 221–237. (In Russ.)
12. Malinkin A.N. Max Scheler's conception of resentment and its significance for sociology. *Sotsiologicheskij Zhurnal = Sociological Journal*. 1997. No. 4. P. 116–150. (In Russ.)
13. Pak Ch. Resentiment, evaluation, knowledge and social action in the conception of Max Scheler: the study of the sociology of feelings. *Sotsiologicheskij Zhurnal = Sociological Journal*. 1997. No. 4. P. 151–164. (In Russ.)
14. Sheler M. *Izbrannye proizvedenija. (Formalizm v jetike i material'naja jetika cennostej)*. [Selected Writings. (Formalism in ethics and material value-ethics)]. Transl. from Germ. by A.V. Denezhkin, A.N. Malinkin, A.F. Filippov; Select., ed., and Pref. by A.V. Denezhkin; Afterword by L.A. Chuhina. Moscow: Gnozis publ., 1994. P. 259–338. (In Russ.)
15. Sheler M. *Izbrannye proizvedenija. (Chelovek v jepohu uravnivanija)*. [Selected Writings. (Man in the era of equalization).] Transl. from Germ. by A.V. Denezhkin, A.N. Malinkin, A.F. Filippov; Select., ed., and Pref. by A.V. Denezhkin; Afterword by L.A. Chuhina. Moscow: Gnozis publ., 1994. P. 98–128. (In Russ.)
16. Sheler M. Problems of a Sociology of Knowledge. [Russ. ed.: *Problemy sociologii znaniya*. Transl. from Germ. and ed. by S.Ja. Levit. Moscow: Institut obshhegumanitarnyh issledovanij publ., 2011. 234 p.]
17. Sheler M. The resentment in the structure of morals. [Russ. ed.: *Resentiment v strukture moralej*. Transl. from Germ. by A.N. Malinkin; Ed. by L.G. Ionin. St Petersburg: Nauka publ., Universitetskaja kniga publ., 1999. 320 p.] (In Russ.)
18. Sheler M. *Ordoamoris. Traktaty o ljubvi*. [Treatises on love.] Select. by O.P. Zubec. Moscow: Institut filosofii RAN publ., 1994. P. 77–100. (In Russ.)
19. Shtompka P. Social change as trauma (part one). Transl. from Eng. by A.Ju. Moseeva, N.V. Romanovskij. *Sociologicheskie issledovanija*. 2001. No. 1. P. 6–16. (In Russ.)
20. Barbalet J.M. *Emotion, Social Theory and Social Structure: A Macrosociological Approach*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 210 p. DOI: 10.1177/000169930004300311
21. Glezos S. The ticking bomb: Speed, liberalism and resentment against the future. *Contemporary Political Theory*. 2011. Vol. 10. No. 2. P. 147–165. DOI: 10.1057/cpt.2010.6
22. Weber M. *Sociology of religion*. Boston: Beacon Press, 1993. 384 p.